

ПРОМЕЖУТОЧНОЕ
ЗВЕНО

Сергей Ямпольский

18+

Сергей Зигфридович Ямпольский

Промежуточное звено

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63936101

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-98683-1

Аннотация

В книге Сергея Ямпольского все персонажи оказываются в весьма неожиданных и странных ситуациях. Так, герой одного рассказа встречается с самим собой, но уже в старческом возрасте. Неестественные события переплетаются с вполне реальными жизненными коллизиями, в которых участвуют оба персонажа. В другом рассказе, у Маргариты неудачно складывается жизнь, и тогда она превращается в прекрасную птицу и оказывается в ином, соседнем мире. Но и в нем дружба, верность и самопожертвование соседствуют со злостью и беспощадностью. Вероятно, и другие новеллы сборника также содержат труднообъяснимые с точки зрения обычной логики события?

Содержание

Промежуточное звено	4
1	4
2	14
Приглашение	23
Введение	23
1	24
2	25
3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сергей Ямпольский

Промежуточное звено

Промежуточное звено

1

Телефонный звонок. На том конце провода женский голос представился «первой советницей банка». Советница просила уделить ей время для безотлагательного сообщения. Дело в том, что такой должности в нашем банке раньше не существовало, и мне, очевидно, предстояло познакомиться с высокопоставленной персоной одному из первых. Я полагал, что в канун Нового Года срочные сообщения носят шуточный, праздничный характер, и охотно пожертвовал обеденным перерывом. В скором времени мы сидели в мягких креслах банковского холла, и теперь я мог оценить инициатора встречи, как говорится, в первом приближении. Советница показалась мне сухой и надменной особой, поскольку не ответила на мое приветствие и даже не повернулась в мою сторону, а только сосредоточенно рассматривала заиндевевшее окно. Строгому характеру грядущего разговора вполне соответствовал и стиль «унисекс» ее одежды и обуви:

черный пиджак, белая сорочка, черные джинсы, белые кроссовки. «Мадам «Шлагбаум», – окрестил я мысленно ее и продолжил визуальное изучение визави. Единственным живым пятном в ее облике были спадающие до плеч пышные рыжие волосы, полностью прикрывающие уши и лоб. Большие квадратные очки в роговой оправе, высокий, до подбородка воротник рубашки, густые тени и помада затрудняли определение возраста дамы, что в целом придавало ее облику тайное содержание. Видимо, советница не терпела долгих мужских взглядов, поэтому сразу перешла к делу. Влажным прокуренным голосом она поведала о том, что уполномочена провести анализ воззрений сотрудников на методы управления банка. Необходимо, мол, собрать воедино здоровые идеи, живущие во всей банковской сети, с целью тотальной и всеобъемлющей оптимизации. Затем ей предстоит, как она выразилась, наметить контуры максимизации выгодных характеристик и соотношений, минимизировать расходы, что, в свою очередь, позволит провести коррекцию эффективности рабочего процесса и в итоге выработать математическую модель банковского дела на основе алгоритма Ньютона.

Чем дольше женщина говорила, тем речь ее становилась более путанной и витиеватой. Когда так изъясняются, то у меня всегда закрадывается мысль либо об искаженном знании предмета, либо о готовящемся мошенничестве.

– Как первая советница, я, конечно, отдаю отчет в том, что задача, поставленная высшим руководством банка, крайне

сложная, поскольку для тестирования функции многокритериальной оптимизации методом Бина и Корна, а также Курсава потребуется небывалый мозговой штурм!

При произнесении именитых заграничных имен голос советницы обогатился оттенками помпезности и самодовольства. Несомненно, она считала себя безупречным знатоком банковского дела.

– Что касается конкретно вас, – советница тут прищурилась, – то вы должны оказать мне всемерное содействие, поскольку я выполняю волю высшего руководства, это во-первых, а во-вторых, я являюсь... ммм... той персоной, которой отказывать не рекомендуется, да! Если ваши соображения покажутся нам чем-то полезными, то вас и в должности повысим, и денежное довольствие увеличим. В вашем возрасте, друг любезный, – советница наклонилась ко мне, – вы же понимаете, это последний шанс, да!

Советница прервала речь, чтобы собраться с мыслями. Она повела бровями, затем свела их к переносице, дернула правой щекой, ловко запрокинула одну ногу на другую и звонко цокнула языком. Монолог возобновился.

– Если вы будете со мной искренним и решитесь на правдивое говорение, то у вас не должно быть никаких беспокойств и страхов. Администрация банка, а вы это должны четко осознавать, мыслит широко и отыщет в любом негативе здоровую долю позитива. На худой конец и вашими, так сказать, «аналитическими рядами» попользуемся, как же,

наслышаны. Не век же им на полках пылиться... Говорите смело и доверьтесь мне! Мы с вами одной крови, я знаю! Записывающими устройствами не пользуюсь – это гадко! Превыше всего – честь, да!

Словоизвержение иссякло, советница утихла, чем я и воспользовался.

– Госпожа первая советница! Вы идете на контакт со мной, а не с моей непосредственной руководительницей – заведующей сектором. Почему через ее голову? Несмотря на молодость, заведующая сектором – аналитик опытный и быстро изучит проблематику. Что касается вашего предложения, то, на мой взгляд, оно показалось мне, простите великодушно, набором околонучной мишуры. Не нахожу смысла в предложенной затее, не вижу и цели. Но, госпожа советница, в нашей банковской системе звено я, в общем-то, промежуточное, мало значащее, имею право на заблуждение. Посему-поэтому, во избежание недоразумений вам лучше обратиться к моей непосредственной начальнице!

– Как вы себя только что назвали – промежуточным звеном? Вы очень точно себя поместили – промежуточное звено! Звучит великолепно – промежуточное звено! – Она расхохоталась. – А что касается вашей шефини, то и до нее черед дойдет, вы не переживайте уж так, хорошо?

– Хорошо, мадам, но, поймите, что вы ставите меня в двойственное положение. Когда выяснится, что я занимаюсь вашими глобальными исследованиями скрытно, то раз-

растется серьезный конфликт! Причины вам очевидны! Пожалуйста, адресуйте к моему руководителю напрямую.

Советница на секунду вспыхнула, изобразив суровую маску с приподнятыми бровями, но тут же обуяла свое внутреннее пламя.

– Ваша ни о чем не догадается. Встреча проходит конфиденциально, и здесь обо мне никто не знает. От лица управления банка даю вам гарантию служебной безопасности! Дорогой коллега, – продолжала она уже покровительственным тоном, – вы делитесь своими мыслями, соображениями, советами. Вы давно служите в банке и просто обязаны оказывать нам помощь; посильную, разумеется. И повторяю, у вас имеется шанс и шанс неплохой, учтите!

Она выдохнула и сглотнула, после чего уставилась на меня твердым взглядом, ожидая ответа, и только положительного.

– Госпожа советница! Что вы ищите?

– Ох, как же с вами непросто. Отвечаю. Я желаю сделать наш банк первым среди первых, лучшим среди лучших! Для этого есть все условия! А вы, коллега, разве не к тому же стремитесь?

В жизни, по большому счету, я лузер, неудачник, хотя и не без способностей. Тем не менее, карьерный рост, начавшийся однажды стремительно, давно оборвался по причине многоходового, грязного интриганства. Нельзя скидывать со счетов и личные качества: излишняя доверчивость, отсутствие цинизма и т. п. Но в сегодняшней ситуации мне дей-

ствительно терять было немного.

И я решился. Подробно, в деталях, рассказал о том, при помощи какой механики из года в год в банке достигаются требуемые показатели. И красочно, в мазках поделился впечатлениями о победном шествии секс-карьеризма. И тогда мне стало почему-то так обидно за собственные многолетние труды, пустые надежды и загубленные инициативы, что внутренняя сущность моя вверх дном перевернулась. Сорвались с языка язвительные, резкие слова, и оформились в обличительную тираду.

– Госпожа советница, для того, чтобы двигаться вперед, надобно вам располагать информацией об истинном состоянии дел в банке. Вы ведь правды от меня ждете, не так ли? Пожалуйста! Да только в чистом виде правда нужна лишь в определении пола новорожденного. В остальном всем нам хватает и лжи. Именно лжи, мадам, вы не ослышались. Ведь ложь наполняет собою пустоты незнания и благородно служит нашему общему благу. Горько наблюдать, госпожа первая советница, как над преданными, многоопытными служаками ставят заезжего толстосума без должного знания и понимания или сексапильную девицу в ультрамодном одеянии.

А тут еще всплыл из памяти бессмертный Грибоедов. В школе заучивали, теперь процитировал:

– Тот Нестор негодяев знатных,
Толпою окруженный слуг;

Усердствуя, они в часы вина и драки
И честь и жизнь его не раз спасали: вдруг
На них он выменял борзые три собаки!!!

Советница напряглась лицом и побелела. Она крепко сжала пальцами подлокотники, оставив на них глубокие вмятины, изловчилась и подпрыгнула в кресле.

– Господин «промежуточное звено»! Вы что себе позволяете? По-вашему, в банке все плохо, хорошего нет, не было и, значит, не будет? Как прикажете понимать: «определение пола новорожденного»? У вас кто-то родился? А «оборзевших три собаки»? Это вы на кого намекаете, м? Что ж, продолжаем, не останавливаемся, я вся внимания! Итак! – Верхняя губа советницы вздернулась.

Мимо нас проходили сотрудники банка. Они торопились на последний обед в уходящем году, но привлеченные моим красноречием и гневливыми выкриками советницы, останавливались. На их глазах разворачивалось театральное действие. Но зрительское непонимание существа сцены советницу не смущало. Напротив, недоуменная их реакция воодушевляла ее. Через обвинения в мой адрес она открывала глаза коллегам на правильный порядок вещей. Правда, двум коллегам понравился поэтический фрагмент моего выступления, потому что они захлопали в ладоши.

Пытаясь понизить температуру диалога, я заявил, что она, будучи, безусловно, первой советницей, абсолютно права, и

все не так плохо. Примером тому могут послужить наши красивые коридоры цвета пьяного мандарина, подходящие цветом на ее, советницы, волосы. На фоне великолепных стен замечательно смотрятся красные платки на шеях сотрудниц. А хрустальные вазы в холлах с бесплатными яблоками – подходи и ешь; а при них декоративные фонтанчики с подсветкой; а зеркальные скоростные лифты; а сверкающие белизной ватерклозеты – самые чистые места в банке! А еще мне нравятся звуки арфы, извлекаемые обаятельной арфисткой. Сидит неприметно справа от входных дверей и волшебство созидает, так что и арфистка притягивает.

Здесь я повторно снискал аплодисменты, на этот раз дружные. А упоминание арфы и арфистки породило у одного молоденького коллеги восторг:

– Без музыки нам никак!

– А вот это уже вдвойне интересней! – Глаза советницы округлились, и она по-спортивному, побрасывая вверх колени, забегала вокруг моего кресла.

– Ах да, я и забыла, вы ж у нас до сих пор не женаты и никогда не были, в общем-то, и я надеюсь, никогда не будете. Но женщины все равно на уме! Аж на арфистку глазки положили. А что же работа? «А черт с ней, с этой работой!» – да? Работа ведь у вас на двадцатом месте, да? Молчите, язычок прикусили? – Она захихикала. – Я же просила вас всего-навсего об одном пустяковом одолжении! Но вы решили посмеяться надо мной. Ну так знайте ж, дорогой коллега, я

в долгу никогда не остаюсь! Смотрите, какой сюрприз вам заготовила!

Она вынула из бокового кармана диктофон из желтого металла, покрутила у меня перед глазами и нажала кнопку. Я услышал свой голос в записи!

– Госпожа первая советница, или какая по счету, вы же поклялись не пользоваться...

– О чем это вы? Никаких договоров мы не подписывали!

Зрителей становилось все больше и больше, и каждый хотел постигнуть истоки скандала. Люди о чем-то перешептывались, но после эпизода с диктофонной записью многие перешли на громкую разговорную речь. Слышалось: «Что здесь происходит?» и «Кто она такая?».

Кульминация спектакля достигла своей высшей точки.

Как гром среди ясного неба, внезапно заработали потолочные динамики. Окружающее пространство наполнилось оглушительными звуками симфонического оркестра. Торжественно и парадно вступила группа тромбонов из 1-го концерта Чайковского.

– Пам-пам-пам-пам, рааам-пам пам-пам...

Под звуки оркестра откуда-то примчались трое рослых охранников. Они набросились на советницу с диктофоном и сбили ее с ног. Двое заломили за спину руки, третий вцепился в волосы. Вот таким взыскательным образом советницу притащили к служебному лифту. Из-за сильной натуги оторвались перламутровые пуговицы ее блузки. Кофточ-

ка с треском расползлась посередине и лопнула. Белье старшая советница не признавала и, оказавшись фактически обнаженной по пояс, стала нецензурно осыпать всех ругательствами, предрекая скорую кончину, и мне в первую очередь. Вынужденно я обратил внимание на грудь советницы. Едва заметными, какими-то неупругими колыханиями молочные железы производили впечатление искусственных выростов, напичканных дешевым силиконом. Впрочем, это не помешало одной из корпулентных сотрудниц, по виду уборщице, принять их за настоящие. Та сорвала с себя рабочий жилет и укрыла им оголенные части распластанной советницы.

– Прикройте срам, мадам! Смотреть тошно!

В процессе паркетного волочения от первой советницы отвалилась ее главная деталь – накладной жилет. Он был смастерен из папье-маше, прилаживался к туловищу подобно бюстгальтеру – бретельками и до сей минуты удачно скрывал подлинную анатомию. Таким образом, грудь оказалась фальшивой и крепилась к этому самому обманному жилету. Под жилетом теперь ясно обозначился мужской волосяной покров с проседью. В довершение происходящего с головы советницы слетели очки и рыжий парик, обнаружив плешь заведующего аналитическим отделом.

2

Настолько я был обескуражен тем днем, что решил не появляться на службе и сослался на межсезонное нездоровье и гастритные боли. Однако секретарь-референт генерального директора недвусмысленно дала понять по телефону, что лучше всего мне разыграть иной сценарий.

И вот я в приемной генерального.

– С утра ждем! – произнесла секретарь и открыла первую дверь кабинета.

Массивную внутреннюю дверь кабинета генерального директора мне пришлось открывать самому. Не помня, когда это проделывал крайний раз, я совершенно забыл о высоком здесь пороге и споткнулся. Упал я больно. Падая на пол, я думал не о внешней несуразности ситуации, а о форме моего заявления об уходе: традиционной, «по собственному желанию», или иной. Не исключал и того, что меня уволят вообще безо всяких объяснений. Просто вышвырнут.

– Поднимайся, поднимайся, дорогой, – услышал я могучий бас генерального директора. – В могиле належишься, но панихиду заказывать пока не будем! Ха-ха-ха!

Должен сказать, что я успел забыть заупокойный юмор моего босса, но отряхивая брюки, вспомнил его слова, когда много лет назад он принимал меня на работу:

– У нас ты родишься наконец, у нас ты и умрешь наконец!

В добрый путь, дружище!

Секретарь – узкая, длинная блондинка, – поставила на стол два пузатых бокала и бутылку дорогого коньяка. На блюде тонко нарезанные ломтики лимона. В воздухе почувствовался букет изысканных ароматов.

Секретарь вышла из кабинета, и я остался один на один с генеральным.

– У меня есть знакомый, – он выдержал паузу, – так вот, этот знакомый утверждает, что человек – только промежуточное звено... – Генеральный опять замолчал, будто ожидал от меня каких-то извинительных объяснений. Он долго и хитро продолжал молчать, будто давая мне время поразмыслить над фразой о промежуточном звене.

– А человек – это только промежуточное звено, – возобновил речь генеральный, – не много значащее промежуточное звено, – тут он свел большой и указательный палец, оставив меж ними крошечный зазор, – которое необходимо природе для создания венца творения! А что, по-твоему, является венцом творения? Не подозреваешь? – Босс снова дал мне минуту на размышление. – А венцом творения является... – Босс наклонился к моему уху и громко прошептал: – Рюмка коньяка с ломтиком лимона! Ха-ха-ха! – И еще раз: – Ха-ха-ха!

Столь мудрые слова я не ожидал услышать от генерального, тем более не предвидел такого душевного приема. Очевидно, шеф решил расстаться со мной по-человечески, дабы

врагов не множить.

– Не мои это слова, дружище, но ох – какие верные!

– Полностью согласен! – подтвердил я слова босса и взял протянутую им рюмку коньяка. – Да, человек – это промежуточное звено, господин генеральный директор, необходимое природе!

– Лимончиком закусывай, не забывай! А то опять наплетешь непотребное, как вчера. – Генеральный напряженно посмотрел на меня.

– Пей еще и не ерепенься, не молоденький.

– Да, все верно, – подтвердил я слова генерального, – не молоденький, – и опустошил вторую рюмку. Эту на посошок, – подумал про себя я и раскусил лимон. На душе стало тепло и уютно.

– Ну, вот и славно! – Директор вызвал в кабинет секретаря. Девушка горделивой поступью вошла в кабинет и остановилась в шаге от директора.

– Приказ подготовлен? – Он кивнул в мою сторону.

– Да, приказ на столе. В папке «На подпись».

– Отлично! А теперь другой приказ, – он начал произносить слова грозно, чеканя каждый слог. – Вы, милочка, уволены!

– Что-что? – девушка вздрогнула, будто пробудилась ото сна.

– А вот что, дорогуша: вы уволены. Этот, как его... эээ... Нестор Негодяев, – а говорящая фамилия, – регулярно по-

лучал от вас закрытую информацию о переговорах, перестановках, приказах и так далее. Много информации вы сливали на сторону. Вполне достаточно, чтобы довести до суда дело. Но я поступаю благородно. Я просто увольняю вас! Увольняю «за утрату доверия». Приказ подписан. Ознакомьтесь!

Девушка втянула плечи, поджала локти, сторбилась, шмыгнула носом и часто задышала. Мимическая мускулатура отобразила мыслительные процессы, направленные на отгадку причин внезапного фиаско. По всему, она должна была вот-вот расплакаться.

– Вон пошла! – директор рывкнул так, что задрезали стекла. Звуки властного голоса эхом перекинулись с окон на потолок, оттуда на стены и угасли, достигнув мягкой мебели. – Забирайте приказ и убирайтесь! – Директор простер властную длань в сторону дверей. Девушка молча выслушала приговор, быстро взяла протянутый лист с приказом и... приготовилась его изорвать.

– Не смей! – Генеральный тяжело ударил кулаком-кувалдой по столу. От резкой деформации деревянный стол прогнулся, но затем быстро выправился. Бутылка коньяка при этом довольно высоко подпрыгнула и зависла в воздухе. К счастью, я успел подхватить на лету дорогостоящий напиток и вернуть на прежнее место. Генеральный удостоил меня снисходительным взглядом. Рюмки все же упали. Видя такое, секретарь-референт моментально поставила другие и,

привстав на цыпочки, тихим шагом вышла.

– М-да... Ну, теперь и ты слушай! На вчерашнюю выходку Нестора внимания не обращай. Наказан он.

– Не понимаю, о чем вы, господин генеральный директор?

– Так, уж и не понимаешь? Секретарша постоянно держала Нестора в курсе всех моих планов. Только они знали наперед других, что с кем будет и когда. Кого повысят, кого наоборот... Смотри, она даже дверь не прикроет, всегда щелочку оставит, – так сказать, аудиовизуальная подпитка. У кого информация – у того и власть! А бабой Нестор нарядился, чтобы тебя на откровенность спровоцировать. С женщинами мы более откровенны, понятно. И обо всем мне доложить. Нестор знал, что его снимут скоро. Вот и маскарад затеял, шут гороховый!

– Это понятно, но руки ломать зачем ему было? Кость живая, все-таки.

– «Ломать, живая кость». – Генеральный отпил немного коньяк и усмехнулся. – Да будет тебе известно, что он преступил все границы дозволенного – границы нашей с тобой морали! Он использовал подслушивающую аппаратуру! Понял? Не лицензированную, понял! Каков же подлец этот Нестор Негодяев! Ты со мной согласен?

– Конечно, господин генеральный директор, он подлец. Господин генеральный директор, разрешите узнать напоследок, кого вы на мое место ставите? – спросил я и опрокинул третью рюмку.

Я полагал, что мою должность займет какой-нибудь неведомый новобранец.

– Опять ты из себя дурашку строишь! Как это кого? Тебя! Тебя, но только повысим! Или повесим? Хе-хе-хе! А, нет, вначале повысим! Хе-хе-хе! Ну, в общем, знай, что с завтрашнего дня ты назначаешься заведующим аналитическим отделом банка, ну и моим первым замом! Что, осознал, наконец? Слава богу! Пора, брат, засиделся. Допиваем коньяк и начинаем работать. Прямо сегодня, прямо сейчас! Ступай дела принимать. Через неделю жду с глубинным отчетом. Мне нужен достойный преемник! Так что старайся. Жену поздравить не забудь. От меня! Дорогу отыщешь? Помощь необходима? Хо-хо-хо!

Дабы не обесславить счастливых мгновений жизни, мне пришлось допить всю бутылку и быстро удалиться. Мой уход осложнился шаткостью походки, вследствие чего я повторно споткнулся. Споткнулся на этот раз о ножку широкого дивана, нелепо стоящего в проходе. Размахивая над диваном руками, какое-то время мне удавалось балансировать, но не долго, и я с размаху плюхнулся в уютное ложе.

– Эх, поспать бы часок-другой. – Я прикрыл глаза. Долг службы вскоре пересилил сонные позывы, я медленно приподнялся и сел, откинувшись на спинку дивана.

Уличная вьюга способствовала моему частичному отрезвлению. Порывы морозного декабрьского воздуха внезапно распахнули неплотно закрытое окно и шумно ворвались в

приемную. С секретарского стола полетели в разные стороны бумаги и папки. Сквозняк приоткрыл двери кабинета генерального директора. Из кабинета доносились активные человеческие звуки, точнее говоря, стоны. Они нарастали, делались все неистовей и перешли, наконец, в экстатические рыки вечности. Через минуту рычание переросло в финальное протяжное мычание вперемежку с чувственными всхлипами. Затем, как водится, наступило затишье.

– Вот ты в театральном техникуме училась, а слезу на людях выдавить не можешь, натурально не можешь, – слышался умиротворенный бас генерального. – Ставлю тебе жирный кол.

– Я старалась, как могла, господин генеральный директор, но меня разбирал смех, – ответила ему кокетливо секретарша. – Особенно когда вы о суде заговорили.

– Ладно-ладно, но работать тоньше надо, тоньше. Смех ее, видите ли, разобрал! Не за твои прелести я тебе деньги выплачиваю! Скажите, какое мы чудо природы! Ох, и любишь это занятие, ну просто не можешь без него. А то, что меня дома супруга ждет, ты догадываешься? Каким я ей покажусь?

– Мужественным и красивым, господин генеральный директор!

– Опять двери настезь! Так вот, выплачиваю я тебе деньги, и немалые, за то, чтобы ты постигала высокое искусство управления! Управление людьми и собой! Вот и постигай! Я

же тебя на свое место мечу! Да, и вот еще. Нестора переводим заведующим отделом по связям с общественностью. С надбавкою в 25... эээ... в 15 процентов. Парик его рыжий в химчистку снеси! Пригодится еще! Линия верной оказалась. В этом плане ты молодец!

– Да, господин генеральный директор. Так и сделаю. Нам еще две вакансии осталось высвободить.

В приемной становилось холодно, и я подошел к окну, чтобы закрыть его. На улице яркими огнями играла реклама, на перекрестке светофоры перемигивались с автомобилями, указывая верные дороги, раздавались смеющиеся голоса студентов, возвращающихся с занятий. А там уже разбит елочный базар, и люди бодро выносят заснеженные новогодние елки. Да, скоро Новый Год! Жизнь большого города не останавливалась и продолжала празднично бурлить, даруя людям насыщенную, многоликую энергетику. Я стоял у открытого в зиму окна, и декабрьская стужа ничуть не обжигала меня. Напротив, она обволокла все мое существо ледяной, как тонкое одеяло, пеленой, и согревала. И я увидел за окном истинную жизнь – простую и мудрую, в которой люди искренне смеются и, забывая о трудном быте, спешат радовать друг друга недорогими, но желанными подарками. Мне хотелось идти к ним и стать их частью и обрести, наконец, хотя бы малую толику счастья, которое отпущено каждому. И я растворил окно настежь, но... сквозь автомобильный рев я вдруг услышал тихую, нежную музыку. Едва уло-

вимые колебания музыкальных волн странным образом прибывали и делались ощутимей. Да, конечно, это играла наша арфистка, и выюга пред ней медленно отступала. Часто, когда входил в здание банка, она представлялась мне в длинном концертном платье; вот она на сцене консерватории, все наслаждаются ее искусством, а затем рукоплещут; но здесь, в вестибюле, у дверей банка арфистка была всего лишь одним из многочисленных элементов интерьера, звуковым элементом.

Я сбежал на первый этаж и увидел ее. Из-под ее пальцев рождалась мелодия Глюка. Звуки сказочного инструмента проникали в сердце и возвращали мне по-детски чистое мироощущение. Я был готов бесконечно долго стоять и слушать чудесную музыку и никуда не уходить. Но пьеса вскоре закончилась. Последние ноты, словно маленькие, неокрепшие снежинки, еще несколько мгновений покружились в воздухе и растаяли.

Я подошел к арфистке и поблагодарил ее.

В банк больше не возвращался.

Приглашение

Тот, кто следует за толпой, дойдет лишь до того места, что и толпа, не дальше.

Идущий в одиночку может добраться до таких мест, где никто никогда не бывал.

Альберт Эйнштейн

Введение

Весна в метро приходит незаметно. Слабые лучи весеннего солнца не проникают в глубинные слои подземного царства и не нарушают его внутренних законов. У весенней энергетики иное предназначение.

1

Утро. Метро. Час пик. Грозный голос репродукторов требует от пассажиров ускорить высадку. Робкие, полусонные тени крадутся к дверям переполненных вагонов. Первые попытки войти в них, как правило, тщетны. Но скоро, совсем скоро пламя коллективного негодования взвивается до немислимых высот и овладевает душами опаздывающих пассажиров. Границы терпения переполнены! Мощные людские потоки врываются в вагоны. Беззастенчиво и жестко они расталкивают ранее прибывших пассажиров и завоевывают свои территории.

Фортуна благоволит порою лицам, отбившимся от общей массы. Затюканные толпою люди неожиданно отыскивают в пассажирских порядках неприметные щели. Фигурки сжимаются, втягивая головы в плечи, и протискивают тела внутрь вагонов. Глядите, они уже слились со всеми и стали полноправными членами могучей армии пассажиров. Перед их глазами победно захлопываются железные двери и вагоны, наконец, трогаются с места. Кряхтя, переваливаясь с боку на бок, поезд мало-помалу набирает обороты и увлекает своих избранников в долгий и неведомый тоннель.

2

В то мартовское утро интервалы между прибытием поездов внезапно увеличились. Голос из репродукторов объяснял возникшие обстоятельства только техническими причинами. На перроне взволнованная толчея. У края платформы я увидел девушку. Несмотря на небольшой рост, она казалась статной. Тонкая, с изящным изгибом талия, аккуратный бюстик, стянутые назад старомодным гребнем черные волосы делали облик незнакомки привлекательным. Девушка из последних сил старалась войти в вагон. Элегантные линии её жакета превратились в уродливые складки, лицо выглядело обиженным, длинные ресницы дрожали и блестели от слез.

Готовый от внутреннего напряжения лопнуть, поезд не меньше людей страдал от сложной ситуации. Он не был в состоянии закрыть даже собственные двери и поэтому отказывал пассажирам в поездке.

Отчаянным попыткам девушки уехать со всеми помешал ее же гребень. Он выскользнул из ее волос и звонко упал мне под ноги. Я поднял это красивое, выполненное в форме причудливых листьев украшение и вернул его незнакомке.

– Милая девушка, стоит ли так спешить, – обратился я к ней, – подождите ещё пару минут, и вы уедете другим поездом!

Девушка отошла от вагона. Поезд медленно, словно нехо-

тя, затворил двери и, наконец, тронулся.

– Кажется, я опоздала, – грустно произнесла незнакомка, провожая глазами уходящий поезд, и положила выпавший гребень в свою сумочку.

В скором времени прикатил следующий состав, но двери раскрылись непосредственно передо мной. Желая сохранить доброжелательную манеру общения, я отошел от дверей и предложил девушке войти первой. «Вы очень любезны, сударь!» – произнесла тихо девушка и уголками губ чуть улыбнулась. На секунду мне показалась, что она задержала на мне взгляд. Возможно, мимолетному вниманию незнакомки способствовал мой берет. Он был весь черный, но в небольших оранжевых и белых клетках. Носил я его по-военному, как бравый воин, надвинутый набок, почти на висок. Я вошел за девушкой следом, но неудержимая лавина пассажиров неожиданно нагнала нас и разъединила. Как легкие перышки, толпа унесла нас в разные стороны вагона, и мы потеряли друг друга. Мобильный телефон, дремавший в нагрудном кармане, от грубого давления жалобно затрещал, портфель превратился в мягкий бесформенный предмет, берет сполз на затылок, затем плавно переключился на плечи соседей и вскоре исчез. Я ощутил себя крошечным мотыльком, которого энтомолог распял булавками и вместе с другими насекомыми запер в душной коробке. Похожий исход ожидал и мою незнакомку! Необходимо было любой ценой оградить хрупкую девушку от надвигающихся роковых

обстоятельств. К счастью, решение пришло быстро. Как меня учили в ВДВ, я обхватил локтями голову и стремительно бросился под ноги стоящих рядом людей. Коленные сгибы их прогнулись, и, лишившись опоры, мне на спину тяжело упали пассажирские тела. Другие пассажиры также не смогли долго удерживать равновесие. Они дружно заохали, замахали, ища опоры, руками и беспорядочно повалились на упавших чуть раньше пассажиров. К тому времени я уже лежал на полу, задавленный верхними слоями пассажиров. Поверх меня образовалась хаотично ворочающаяся масса людей. Люди упорно пытались вернуть себе прежнее положение. Наконец, после многих непростых усилий пассажирам все же удавалось встать, и тогда они начинали протаптывать путь к выходу по моему туловищу и голове. Собственно говоря, аналогично поступали и остальные, независимо от очередности падений. Среди восставших особенно выделялся высокий, широкогрудый гражданин с крутыми плечами. Он цепко хватал за шиворот мешающих ему людей, раскидывал их по обе стороны прохода, и все выкрикивал: «В стороночку!». В моменты приходящего сознания мне вспомнился гнетущий рассказ отца о давке во время похорон Сталина, которым был очевидец. Тогда отца спасла от смерти счастливая случайность. Толпа его попросту оттеснила к дому, в котором была открыта дверь. Несмотря ни на что, и меня жизнь не покинула. Что-то помешало ей сделать это.

Сейчас я думаю, что причиной моего спасения была

незнакомка. Издали, сквозь рой ползающих по мне пассажиров я постоянно чувствовал взгляд этой девушки, она смотрела на меня и, следовательно, была со мною рядом.

Мой опрометчивый план сработал. Вокруг девушки со-
здалось свободное жизненно важное пространство!

Подъезжая к очередной станции, поезд замедлил движение, тяжело протащил себя по инерции еще несколько метров и остановился. Двери распахнулись, и полноводная, повесенному радостная река пассажиров выплеснулась на перрон. Я привстал, но надломленные ребра «стонали» при каждом вдохе, напоминая мне о дорожной баталии. Голова утратила ясность и гудела, как колокол. Прихрамывая и преодолевая боли, я медленно прошел весь вагон в надежде увидеть знакомку. Но вагон оказался пустым!

«Что ж, не судьба!» – огорченно подумал я.

Около дверей я увидел потерянный берет. Предмет моей тайной гордости лежал на пыльном полу под сиденьями и превратился в затоптанный, обезличенный кусок материи.

«Ну-ну, дружище, потерпи немного! – Я поднял беднягу с пола и бережно разгладил, пытаюсь вернуть головному убору былую форму. – Все образуется! Мы скоро приедем!»

С намерением сделать небольшую передышку я вышел из вагона, двери которого почему-то не спешили закрываться. Станция метро предстала абсолютно безлюдной и тихой. Очевидно, время не заметило ее и ошибочно пронеслось иной дорогой. Только мраморная колоннада залы и сверкающие хрусталем люстры свидетельствовали об имевшейся здесь когда-то деятельности человека. Я снова и снова ис-

кал какие-либо доказательства одушевленности подземного дворца, но абсолютная тишина и неподвижный эскалатор лишь обостряли мое непонимание. Ошеломленный, я долго бродил по безлюдному перрону и, не находя ответа, остановился, прислонившись к одной из колонн зала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.